

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ВРЕМЕНИ СЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В. Довженок и М. Брайчевский.*

В исторической литературе господствует та точка зрения, что феодальные отношения в древней Руси окончательно сложились только в середине XI столетия. Период IX—X вв. рассматривается как дофеодальный, соответственно Киевская Русь IX—X вв. как дофеодальное государство.

Таким образом, получается, что по своему социально-экономическому и политическому развитию древняя Русь значительно отставала от Западной Европы, где господство феодальных отношений признаётся начиная с так называемого земельного переворота при Меровингах, т. е. с VIII в., а дофеодальный период относится к V—VIII векам.

Советская историческая наука доказала, что древняя Русь была передовой европейской страной и во многих отраслях культуры стояла выше стран Западной Европы. Это признают и те историки, которые считают IX—X вв. на Руси дофеодальным периодом. Но на чём же тогда базировалась передовая культура Руси, если известно, что культурное развитие общества определяется уровнем развития техники производства и производственных отношений — уровнем социально-экономического развития? Ясно, что в этих взглядах существует несогласованность, разрешить которую немислимо, если придерживаться взгляда на древнюю Русь IX—X вв. как на дофеодальный период.

Товарищи И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров в замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР писали в 1934 г.: «В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были ещё закрепощены»¹.

Этим подчёркивалась необходимость выделить дофеодальный период как переходный этап от первобытно-общинного строя к феодальному, на протяжении которого формировались феодальные отношения.

Вопрос о том, к какому времени нужно отнести дофеодальный период на Руси, в советской исторической литературе ещё не решён. Распространённая в литературе точка зрения, что он относится к IX—X вв., остаётся недоказанной.

Рассмотрим аргументацию, при помощи которой сторонники данной точки зрения обосновывают свои взгляды.

К. В. Базилевич утверждает, что феодальный способ производства становится господствующим на Руси только после смерти Ярослава. Он пишет: «Мы начинаем новый исторический период именно с этого времени (середина XI в.) потому, что в источниках второй половины XI и начала XII вв. ясно выступают глубокие изменения в социально-экономических отношениях и в политическом строе Руси. К ним относятся: развитие крупного землевладения, законодательство сыновей и внуков Ярослава, устанавливающее господство феодальных производственных отношений, усиление классовой борьбы, вылившейся в ряд открытых народных выступлений (1068, 1071, 1113 гг.), созыв княжеских съездов для решения общих дел, политическое обособление отдельных земель и проч. Все эти явления указывают на утверждение феодального способа производства и на начало феодальной раздробленности»².

* Киев. Институт археологии Академии Наук Украинской ССР.

¹ Сборник «К изучению истории», стр. 22. М. 1946.

² К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 71.

Нельзя не удивляться тому, что среди всех этих «глубоких изменений», знаменующих начало феодализма на Руси в середине XI в., отсутствует тот признак, на который товарищи И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров указали как на определяющий, а именно переход крестьян в феодально-зависимое крепостное состояние.

Что же собою представляют те «глубокие изменения», которые К. В. Базилевич перечисляет в вышеприведённом списке? Действительно ли они могут служить серьёзным основанием для столь принципиального разделения истории Киевской Руси на два периода?

В качестве первого и, очевидно, основного признака (ибо он является единственным, имеющим непосредственное отношение к производству) названо развитие крупного землевладения. Но ведь этот процесс происходил как раньше, так и позднее. На протяжении всего феодального периода господствующий класс увеличивал свои земельные владения за счёт общинных крестьянских земель. Почему же именно середина XI в. должна рассматриваться как время утверждения феодального способа производства? Характерно, что речь идёт не о возникновении крупного землевладения, а лишь о его развитии. И это не случайно, ибо крупное землевладение (в том числе и княжеское) существовало уже в X в. (целый ряд доказательств этому приведён акад. В. Д. Грековым³), и, следовательно, возникновение его уходит в ещё более глубокие времена.

Что касается законодательства сыновей и внуков Ярослава, будто бы устанавливающего господство феодальных производственных отношений, то здесь, вопреки положениям марксизма, юридическая надстройка рассматривается в качестве причины социально-экономического развития. Очевидно, законодательство второй половины XI и начала XII в. оформляло юридически давно существовавшие господствовавшие феодальные отношения. Более того: эти отношения нашли своё отражение в законодательстве уже IX века. По мнению В. Д. Грекова, древнейшая «Русская Правда» восходит ко времени не позже IX в.⁴; этого мнения никто не оспаривал. А между тем древнейшая «Русская Правда» отражает уже классовое общество.

Третьим пунктом в списке К. В. Базилевича значителен усиление классовой борьбы. Характерно, что и здесь речь идёт не о начале классовой борьбы, но лишь об её усилении. Конечно, развитие феодальных отношений не могло не вызвать усиления сопротивления крестьянских масс угнетателям; классовая борьба продолжала усиливаться и позднее XI—XII веков. Известно, что товарищ И. В. Сталин указывал на борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров как на основную черту феодального строя⁵. Но классовая борьба имела место и ранее середины XI в. (восстание древлян в 945 г., народные движения 996 г., восстание 1024 г. в Суздальской земле).

Последние два признака, на которые указывает К. В. Базилевич, а именно созыв княжеских съездов и политическое обособление отдельных земель, характеризуют уже период феодальной раздробленности, период не только вполне сложившегося, но и развития феодализма и могут служить аргументом скорее против взглядов К. В. Базилевича, нежели в их подтверждение.

Итак, ни один из указанных К. В. Базилевичем признаков не говорит за то, что утверждение феодального способа производства относится к середине XI века.

Начало феодальных отношений нужно искать в том основном признаке, который указан товарищами И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым, а именно в переходе крестьян в феодальную, крепостную зависимость.

Чёткие указания на то, когда это произошло, имеются в трудах В. И. Ленина. В. И. Ленин писал: «Но крепостничество может удержать и в е к а м и держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)»⁶. Следовательно, IX—X века в России — это период крепостничества, период феодального строя.

³ См. В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 68 и сл. М. 1944.

⁴ См. там же, стр. 69. М.-Л. 1946.

⁵ См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 348. 4-е изд.

Исторические источники достаточно определённо рисуют классовую структуру Киевской Руси IX—X веков. Древнейшая «Русская Правда», а также договоры Руси с Византией X в. отражают развитое классовое общество, в основе которого лежит феодальная земельная собственность. После работ Б. Д. Грекова это положение уже ни у кого не вызывает сомнений.

Археологические памятники подтверждают и дополняют свидетельства письменных источников о значительном развитии феодальных отношений в IX—X веках. Все археологи, обращавшиеся к данному вопросу, усматривали начало феодального периода на Руси с IX века. Остановившись лишь на некоторых важных соображениях, основанных на археологических данных.

Древнерусские летописи свидетельствуют о многих городах, существовавших на Руси уже в IX—X веках. Скандинавы называют Киевскую Русь X в. страной городов. Археологическая наука зафиксировала многие сотни городищ на территории восточных славян. В результате исследования этих городищ, широко развернувшегося в советское время, стало возможным их дифференцировать по социальному признаку. Укреплённые поселения, именуемые источниками городами, подразделяются ныне по своему социальному характеру на два основных типа: феодальные замки и города — центры ремесла и торговли.

Феодальные замки, согласно археологическим источникам, существовали уже в VIII—IX веках. Примером может быть Вышгород, о котором «Повесть временных лет» говорит как о собственности княгини Ольги. Раскопки Вышгородского городища подтверждают его существование в VIII—IX веках. К числу городищ, бывших местами феодальных замков VIII—X вв., можно отнести городище на Княжей Горе в устье Роси, отождествляемое с летописным городом Родней; несколько городищ у города Коростеня; городское городище Коростышевского района, Житомирской области; Овручское городище; Плиснеськое городище, Олесского района, Львовской области, и многие другие. На всех этих городищах найдены материалы, которые позволяют относить их возникновение к VIII—IX векам. К тому же периоду относятся и возникновение таких городов, как Киев, Луцк, Кременец и др.

Главное значение феодального замка состояло в том, что он являлся средством господства феодала-землевладельца над окружающим населением, средством внеэкономического принуждения, характерного для феодального способа эксплуатации. В замке находился военный аппарат феодала, обеспечивавший интересы эксплуататора; замок служил феодалу защитой от враждебного ему эксплуатируемого населения и центром его собственного хозяйства.

Возникновение в VIII—IX вв. (а в некоторых случаях и ещё раньше) городов — центров ремесла и торговли, таких, как Киев, Новгород, Ладога, Смоленск и др., — также представляет собой явление, в высшей степени показательное для феодального общества, что отмечал и акад. Б. Д. Греков⁷.

Возле феодальных центров располагались богатые погребения, относящиеся к IX—X вв. и известные под названием дружинных погребений. Больше всего их было возле главнейших городов, как Киев, Чернигов, Смоленск, Ладога, Новгород, но были они известны и в других местах. Отличительной чертой этих погребений были богатый инвентарь и оружие, которые сопровождали покойника.

В буржуазной науке дружинные погребения считали принадлежащими исключительно военному сословию, живущему только за счёт военных трофеев. Норманисты видели в них захоронения варяжских воинов и использовали это как аргумент для своих антинаучных утверждений, будто варяги были господствующим слоем в древней Руси. Советская наука доказала, что эти дружинники — не что иное, как представители местного славянского населения, принадлежавшие к господствующему феодальному классу.

Б. А. Рыбаков обратил внимание на тот факт, что дружинные погребения IX—X вв. в районе Чернигова, расположенные вдоль Десны на протяжении 18 км, разделены на несколько групп. «Такая рассредоточенность черниговских дружинных погребений, — пишет Б. А. Рыбаков, — может быть объяснена, мне кажется, появлением у дружинни-

⁷ См. выступление акад. Б. Д. Грекова на обсуждении книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» в Учёном совете ИИМК АН СССР. «Вестник древней истории» № 4 за 1948 г., стр. 120—121.

ков земельных владений вокруг города, часть которых известна нам по именам (Гюричев, Семьнь и др.)»⁸. Каждую из курганных групп автор приурочивает к отдельным летописным сёлам возле Чернигова и приходит к важному для нас выводу, что «черниговские бояре-воины IX—X вв., — это не толпа безземельных княжих мужей, окружающих князя, это — землевладельцы, сюзерены своих дружинников, господа сёл, известных нам по летописи у самых стен Чернигова»⁹.

Наличие в IX—X вв. многочисленного господствующего класса, владеющего крупной земельной собственностью, не вызывает сомнений. Основным источником обогащения этого класса была эксплуатация окружающего населения. В исторических и прежде всего археологических источниках этот феодальный класс выступает как вооружённый класс, в то время как основное, сельское, население было лишено вооружения. Он представлял собой и постоянную военную силу государства, что характерно для эпохи раннего феодализма вообще.

Появление феодального класса, повидимому, нужно отнести к периоду ещё более раннему, чем IX—X века. Дружинные погребения, вернее, погребения феодальной вооружённой знати, в то время получили уже широкое распространение. Но обряд погребений, как надстроечное явление, отражает обычно предшествующий этап развития. Следовательно, феодальные отношения должны были реально существовать в обществе задолго до этого. Важно отметить, что отдельные дружинные погребения известны уже в антское время.

Несомненно, что в замках-городах и сёлах, которые исторические источники считают феодальной собственностью, существовали в IX—X вв. собственные феодальные хозяйства. Отсюда следует, что уже тогда существовали в какой-то степени и отработки, о которых упоминается в летописи под 946 г., где рассказывается о реформе феодальных повинностей, проведённой Ольгой после древлянского восстания. «Уроки», которые вводила Ольга, — это не что иное, как отработки феодально зависимых крестьян в хозяйстве землевладельца. Это — первое упоминание об отработочной феодальной ренте. В таком значении слово «уроки» известно на протяжении всего феодального периода на Руси.

Однако для IX—X вв. собственное барское хозяйство ещё не являлось основным источником обогащения феодального класса, а отработочная рента ещё не была главной формой феодальной эксплуатации, потому что, как говорит акад. Б. Д. Греков, «у знатного землевладельца в это время ещё не было средств для расширения и интенсификации своего барского хозяйства»¹⁰. Основным источником обогащения господствующего класса в это время было, по справедливому замечанию Б. Д. Грекова, «увеличение числа зависимых от боярина людей, но не таких, которых ему надо было содержать за свой счёт, а таких, которые не только бы кормили себя, но и могли бы отдавать часть своего продукта на содержание боярина и его многочисленных производящих слуг»¹¹. Нам хорошо известна эта форма феодальной эксплуатации под именем дани. О ней неоднократно говорят древнерусские летописи.

Вопрос о социальном значении дани наименее разработан в исторической науке, но принято считать, что дань в IX—X вв. не была феодальной формой эксплуатации. Особенно настаивает на этом во многих своих работах С. В. Юшков, который пишет: «Процесс образования класса феодалов, обусловленный быстрым ростом в XI в. княжеского, боярского и церковного землевладения, сочетался с процессом образования класса феодально-зависимого сельского населения. Одним из главнейших моментов в этом процессе было начало превращения дани в феодальную ренту, вследствие чего массы свободных общинников стали превращаться в зависимых от князя людей»¹².

Чем же была дань в IX—X вв. и что вызвало её появление, — об этом С. В. Юшков не говорит, очевидно, потому, что, отрицая феодальную сущность дани, ему ничего другого не остаётся, как признать её результатом завоевания. Но если статья на эту

⁸ Б. Рыбаков. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 51, М.-Л. 1949.

⁹ Там же, стр. 52.

¹⁰ Б. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 4.

¹¹ Там же.

¹² С. Юшков. К вопросу о политических формах русского феодального государства. «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 77.

позицию, то объективно она приведёт к признанию норманнской теории, согласно которой господствующим слоем на Руси были варяжские завоеватели (ни о каких других завоевателях, кроме норманнов, речи быть не может; хазары не в счёт, ибо Хазарский каганат прекратил своё существование ещё в X в., а дань существовала и позже). Между тем от антинаучной норманнской «теории» советская наука не оставила камня на камне, доказав, что норманны не только не были господствующим слоем на Руси, но и вообще не играли здесь сколько-нибудь значительной роли в общественной жизни. С. В. Юшков, один из наиболее активных противников норманнской теории, знает это лучше, чем кто-либо.

В «Повести временных лет» сообщается, что варяги и хазары брали дань с восточнославянских племён. Под 859 г. говорится, что варягам платили дань чудь, новгородские славяне, меря, а хазарам — поляне, северяне, вятичи «по белей веверине от дыма»¹³. Под 862 г. сообщается, что славяне изгнали варягов за море «и не даша им дани»¹⁴. Под 964 г. говорится, что вятичи давали дань хазарам «по щяльгу от рала»¹⁵. Но из всех этих сообщений «Повести» отнюдь не вытекает, что дань у восточных славян появилась в результате завоеваний.

Акад. Б. Д. Греков обратил внимание на тот факт, что данью облагалась хозяйственная единица — дым (дом), рало (основное сельскохозяйственное орудие); вятичи вносили дань князю Владимиру от плуга. Это значит, что при обложении данью учитывались хозяйство, производственная единица, а также орудие производства, которое определяло размер хозяйства и прежде всего площадь обрабатываемой земли. Подобная дань не могла возникнуть в результате завоеваний; она могла означать только повинность земледельческого населения феодалу за пользование землёй, которая юридически была его собственностью. И если варяги и хазары действительно собирали дань у славян от дыма и рала, то это можно объяснить той системой даннических отношений, которая существовала у славян значительно раньше и независимо от варягов и хазар.

Дань могла быть только выражением крепостнических, феодальных отношений, когда землевладелец-феодал посредством внеэкономического принуждения присваивал часть труда непосредственного производителя в виде продуктов этого труда. Основанием для феодала принуждать производителя отдавать ему часть продуктов было то, что производитель пользовался землёй, которая юридически принадлежала феодалу. Князь, бывший верховным владыкой в княжестве, был прежде всего собственником всей земли.

Уже в эпоху господства дани, в IX—X вв., в древней Руси существовала определённая система иерархических вассальных отношений, о которых сохранила сведения и летопись. Веломичное время первых киевских князей, автор «Начального свода» писал: «Тии бо князи не збираху много имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху на люди, но оже будяще правая вира, а ту возьми даше дружине на оружие»¹⁶.

Эту систему феодальных отношений в древней Руси IX—X вв. К. Маркс очень удачно называл «вассалитетом без ленов или с ленами, обложенными только данью». Такой строй характерен для феодального государства. Здесь налицо иерархическая лестница феодального класса, во главе которого стоит князь — сюзерен. Дружинник-вассал обязан князю службой, за которую получает от него землю, населённую крестьянами, и право взимать с них дань, либо он получает от князя готовый продукт, который тот собирал с населения с помощью дружины.

Эта система вассалитета соответствует тому периоду феодализма, при котором продуктовая рента — дань — была господствующей формой эксплуатации. Таким образом, если мы признаем, что даннические отношения базировались на феодальной земельной собственности, то тем самым мы вынуждены будем признать господство феодальных отношений в IX—X вв. и необоснованность взглядов на этот период как на дофеодальный.

¹³ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I, стб. 19. 1926.

¹⁴ Там же, стб. 19.

¹⁵ Там же, стб. 65.

¹⁶ Новгородская первая летопись, стр. 2. СПб. 1888.

В связи с вопросом о дани встаёт чрезвычайно важный вопрос — о первоначальной форме феодального угнетения в древней Руси; этой формой большинство историков считает отработочную ренту.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»)»¹⁷. В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй государственной думе» В. И. Ленин сравнивал закабаление крестьян помещиками после реформы 1861 г. с закабалением смердов в XI в.: «И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке всё ещё вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!»¹⁸.

Историки, привыкшие рассматривать начало феодализма как господство отработочной ренты, делали отсюда вывод, что феодализм на Руси начинается с XI в., игнорируя приведённое выше указание В. И. Ленина о господстве крепостнических отношений на Руси уже в IX веке. В действительности же В. И. Ленин говорит только о господстве отработок, начиная с XI в., но не феодальных отношений вообще.

К. Маркс различает три формы феодальной ренты: отработочную, натуральную и денежную. Отработочную ренту он называет «наиболее простой и первоначальной»¹⁹, отвечавшей наиболее низкому уровню развития феодального общества. Продуктовая рента имела предпосылкой «более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»²⁰.

В литературе укрепилось мнение, что, согласно взглядам К. Маркса, отработочная рента является древнейшей формой ренты, независимо от уровня развития того или иного народа. При этом забывают, что, говоря об отработках, как о первоначальной форме ренты, К. Маркс имел в виду возникновение феодализма на базе разложения рабовладельческого способа производства.

К. Маркс писал: «Собственность на условия труда, отличные от земли, земельные орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента»²¹. Здесь имеется в виду такой производитель, который вначале не располагал собственными орудиями труда и прочею движимостью, а обеспечивался своим господином средствами производства, которые постепенно превращались в его собственность сначала фактически, а потом и юридически. Такое положение дел существовало при переходе от рабовладельческого общества к феодальному.

Таким образом, способ феодальной эксплуатации путём отчуждения части рабочего времени производителя, выражающийся в отработочной ренте, является наиболее простым и первоначальным там, где феодальные отношения развивались на базе разложения рабовладельческого строя и где феодально зависимым производителем становился прежний раб, не имевший ни своих орудий труда, ни своего хозяйства, а феодалом становился прежний рабовладелец, имевший организованное крупное хозяйство, обеспеченное всеми орудиями труда.

Действительно, если у производителя нет своих орудий труда и своего хозяйства, то о продуктовой ренте не может быть и речи. Условием продуктовой ренты является «производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье подле и вне своего хозяйства»²².

Иное дело там, где феодальные отношения развивались на базе разложения родовых отношений, где феодально зависимым производителем становился прежний общинник, имевший своё хозяйство и все необходимые условия труда, а у феодала

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 170. 4-е изд.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 237.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIX. Ч. II, стр. 353.

²⁰ Там же, стр. 356.

²¹ Там же, стр. 360.

²² Там же, стр. 357.

первоначально не было ещё организованного крупного хозяйства. В данном случае развитие феодальных отношений принимало конкретные формы, в зависимости от существующей формы общинной земельной собственности, на базе которой возникала собственность феодальная.

В некоторых европейских странах формы общинной собственности также послужили основанием для развития отработочной ренты. О румынских провинциях К. Маркс пишет: «Их первоначальный способ производства был основан на общинной собственности, отличной от славянской и в особенности от индийской формы. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* (общинное поле) — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие издержек по войне, с религиозными целями и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли»²³.

К. Маркс подчёркивает, что эта форма общинной собственности отличается от славянской и индийской. У восточных славян, очевидно, не было общинных земель, обрабатываемых совместно целой общиной, наряду с землями, которые были частной собственностью отдельных семей и обрабатывались этими семьями отдельно. Подтверждение этому мы найдём у Ф. Энгельса. Характеризуя территориальную сельскую общину, Ф. Энгельс писал: «Находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими»²⁴.

Такая форма общинной собственности, при которой вся пахотная земля разделялась между отдельными домохозяйствами, а в общем владении оставались только леса, выгоны и воды, по видимому, была господствующей у восточных славян в дофеодальную эпоху. Ф. Энгельс подчёркивает: «Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным»²⁵.

Общинные запасы на покрытие расходов общины в целом пополнялись у восточных славян путём взносов в общий фонд отдельными домохозяйствами определённого количества продуктов. Право собирать эти запасы с общинников узурпировалось социальной верхушкой восточнославянского общества, подобно тому, как она узурпировала в румынских провинциях общинные поля и обязанности общины, связанные с обработкой этих полей.

О таком же явлении у древних германцев сообщает Тацит: «Общины имеют обычай, в силу которого каждый по доброй воле приносит вождю что-либо из скота или сколько-нибудь хлеба, что, будучи принимаемо, как почётное приношение, в то же время служит к удовлетворению необходимых потребностей»²⁶.

Интересно, что возникновение феодальных отношений у древних германцев до того времени, когда они подверглись сильному влиянию римской рабовладельческой цивилизации, также началось с развития продуктовой ренты. Тацит пишет: «Рабов они не употребляют для служб, правильно распределённых между слугами на наш манер: всякий сам ведёт своё хозяйство, управляет своим домом. Господин налагает на раба, как на арендатора, известную плату хлебом, или скотом, или одеждой, и этим ограничивается повиновение раба»²⁷.

Нужно думать, что в основном такими же путями возникала продуктовая рента у древних славян, которые в силу того, что их земли не входили в состав Римской империи, непосредственно не подвергались воздействию римской рабовладельческой цивилизации.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 260.

²⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 146. Госполитиздат. 1949.

²⁵ Там же.

²⁶ Сочинения Корнелия Тацита. Т. I, стр. 49. СПб. 1886. Пер. В. И. Модестова.

²⁷ Там же, стр. 53.

Киевское государство IX—X вв. называют дофеодальным, или «варварским». Классовая структура и функции этого государства понимаются весьма неопределённо. «Русское государство в IX и X вв.,— читаем мы у С. В. Юшкова,— носило все черты варварского государства. Основная масса населения состояла из свободных общинников, хотя первобытно-общинный строй уже разлагался. Наряду с первобытно-общинным (патриархальным) укладом существовал и рабовладельческий уклад, причём эксплуатация рабов в Киевской Руси носила патриархальный характер, и рабы чаще являлись экспортным товаром, нежели рабочей силой.

Но наряду с патриархально-рабовладельческим укладом в Киевской Руси начал развиваться и феодальный уклад: в IX—X вв. шла борьба между тремя укладами — первобытно-общинным, патриархально-рабовладельческим и феодальным, причём значение последнего в системе производственных отношений всё более и более усиливалось. Политический строй Киевского государства IX—X вв. имел все черты варварских государств»²⁸.

Отсюда следует, что Киевское государство IX—X вв., в отличие от Киевского же государства XI—XIII вв., рассматривается в качестве одного из «варварских», по сути, ещё доклассовых, государств, подобных тем политическим образованиям, которые складывались в среде автохтонного населения Восточной Европы начиная со скифского времени. Этот взгляд представляется нам неверным не только потому, что он исходит из отрицания исторического прогресса в Восточной Европе в I тысячелетии до н. э., но и потому, что в корне противоречит тем фактическим данным относительно Киевского государства, которыми располагает историческая наука.

Правда, Киевское государство IX—X вв. по сравнению с последующим периодом отличалось ещё чертами примитивности, что говорит о менее развитых классовых отношениях. Однако естественное развитие и усовершенствование государства, связанное с развитием феодальных отношений, нельзя понимать как коренное изменение его классовой природы и классовых функций.

Товарищ И. В. Сталин указывает: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме»²⁹.

Указанные две функции характеризуют и Киевское государство IX—X веков. Уже в начале своего существования оно решало внешнеполитические задачи — расширение территории для господствующего класса — путём подчинения отдельных восточнославянских племён и войн с другими государствами. Об этом главным образом и говорят дошедшие до нас исторические источники.

Внутренняя, главная, функция Киевского государства IX—X вв. меньше освещена источниками, но мы имеем неопровержимые доказательства того, что оно было в то время аппаратом классового, именно феодального господства.

Об этом особенно наглядно свидетельствуют события 945—947 годов. В «Повести временных лет» под 945 г. рассказывается о том, как Игорь «нача мыслити на древляни, хотя примыслити большую дань». Князь с дружиной собрал дань с древлян; его дружина возвратилась «в град свои», а сам он с малым числом дружинников, «железя больша именья», хотел собрать дань вторично. Узнав об этом, древляне говорили: «Аще ся ввадити волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьють его, тако и се, аще не убьем его, то все ны погубить»³⁰. Древляне восстали, убили Игоря и уничтожили его дружину. Следует, однако, указать, что древляне считали собрание дани естественным явлением и признавали право на неё Игоря. Восстание вызвал его вторичный приход, угрожавший им лишением средств к существованию, когда отбирался уже не прибавочный, а необходимый продукт. Причины древлянского восстания 945 г. типичны для крестьянских восстаний против феодальной эксплуатации. Княгиня

²⁸ С. Юшков. Указ. соч., стр. 75.

²⁹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 604. 11-е изд.

³⁰ Лаврентьевская летопись, стб. 55.

Ольга подавила восстание древлян и наложила на них «дань тяжку». Вместе с тем она была вынуждена предпринять шаги к упорядочению и нормированию феодальных повинностей. В 946 г. «иде Вольга по деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки и суть становища её и ловища»³¹. В следующем году она проводит эти мероприятия в Новгородской земле. Нужно думать, что реформы Ольги касались не только её частных владений.

Государство, таким образом, не только подавляет сопротивление крестьян феодальной эксплуатации, но и стремится путём реформ предотвратить возможные восстания.

Под 996 г. в «Повести временных лет» сообщается об умножившихся разбоях. Под разбоями надо понимать не отдельные нападения на дорогах, а какие-то массовые движения, направленные против господствующего класса. О значительности этого движения говорит уже тот факт, что предания о нём сохранялись в народе долгое время и попали на страницы летописи.

В интересах феодального класса в конце X в. государством было введено христианство, которое воспитывало массы в духе повиновения. С. В. Юшков считает введение христианства одним из показателей перехода от дофеодального общества к феодальному³².

Но религиозные представления консервативны. Если введение христианства было осуществлено в конце X в., то предпосылки для этого, несомненно, существовали и раньше. Языческая религия, порождённая родовым строем, уже не соответствовала феодальным отношениям. Господствующий класс испытывал потребность в такой религии, которая отвечала бы его интересам. Этой религией и явилось христианство. Но внедряться в русское общество оно начинает значительно раньше; уже княгиня Ольга была христианкой, христианами были и многие из её придворного окружения.

Нельзя думать, что христианство было призвано только расчищать путь для развития феодальных отношений. Эти отношения уже давно существовали, и задачей христианства было содействовать дальнейшему развитию феодализма и укреплению феодального государства. Христианство способствовало также развитию феодальной культуры, которая в первой половине XI в. достигла значительного расцвета.

Культура в Киевской Руси первой половины XI в. также базировалась на тех социально-экономических отношениях, которые сложились в предшествующее время, являясь не показателем начинающегося складываться феодального строя, а результатом его предыдущего развития.

Следовательно, нет никаких оснований считать общественный строй Киевской Руси IX—X вв. и государство этого времени дофеодальными. Деление истории Киевской Руси на дофеодальный и феодальный периоды произвольно. Дофеодальный период, на протяжении которого возникли и укрепились феодальные отношения, относится ко времени, предшествовавшему Киевскому государству. Образование последнего есть тот рубеж, который знаменует установление феодального способа производства в качестве господствующего.

Вопрос о сущности Киевского государства IX—X вв. и социальной организации восточных славян того времени нельзя было правильно решить до тех пор, пока в распоряжении науки не было данных о развитии древнеславянского общества в предшествующий, так называемый антский (II—VII вв. н. э.) период. Лучшим доказательством несостоятельности предположения о дофеодальном характере общественного строя древней Руси IX—X вв. может служить та система общественных отношений, которая существовала у восточных славян перед образованием Киевского государства.

Восточные славяне прошли длительный путь исторического развития, прежде чем у них возникло Киевское государство. Этот путь плохо освещён в письменных памятниках, и поэтому основным источником для изучения докиевского периода является археология, сделавшая в последние годы большие успехи.

³¹ Лаврентьевская летопись, стб. 60.

³² См. С. Юшков в. Указ. соч., стр. 79.

Византийские авторы и эпиграфические данные сохранили нам наименование по крайней мере части восточных славян III—VII вв.—анты. В IV в. анты успешно боролась с готским «королевством» в Причерноморье; в VI—VII вв. совместно со склавинами (юго-западной ветвью славян) вели победоносные войны против Византии и проникли на Балканы. В середине VII в. антам пришлось перенести сильный удар от аваров, после чего письменные сведения о них прекращаются.

Хозяйство антов развивалось на земледельческой основе. Начиная от позднего неолита земледелие было ведущей отраслью хозяйства в Среднем Приднепровье, Подбужье и Поднестровье. В скифское время происходит важное событие в развитии земледельческого производства: по крайней мере у части скифских племён — скифов-пахарей — зарождается пашенное земледелие.

Скифское время представляет в Восточной Европе высшую ступень варварства. Местное население осваивает плавку железа. Этот этап истории развития человечества Ф. Энгельс называет эпохой железного плуга и меча³³. Ещё в последние века до н. э. были известны железные наральники; в первые века н. э. они получили распространение на антской территории повсеместно.

Культура полей погребений, носителями которой были анты, носит земледельческий характер. Доказательством тому являются находки земледельческих орудий в культурных слоях её памятников, а также такие свидетельства, как отпечатки соломы на кусках обожжённой глины от стен домов, отпечатки половы на днищах горшков и т. д.

Письменные источники также рисуют нам антов и склавинов прежде всего земледельческими народами. Меландр сообщает о том, что во время войн славян с аварами последние разоряли славянские поля³⁴. В ряде других случаев сообщается об опустошении антских земель, под которыми следует разуметь также и поля.

Наряду с земледелием анты в значительной мере занимались скотоводством, как о том свидетельствуют и письменные данные и остеологический материал, встречаемый на поселениях культуры полей погребений. Большое внимание уделялось коневодству, преследовавшему, между прочим, и военные цели: известно антское конное войско, принимавшее участие в событиях VI—VII веков. Какую-то роль играли и охота, рыболовство и лесные промыслы.

Прогресс восточнославянского общества определялся в первую очередь техническим прогрессом в области основного земледельческого производства. «Вторая особенность производства, — указывает товарищ Сталин, — состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»³⁵.

Переход от скифского периода к антскому был ознаменован крупнейшим техническим достижением — появлением плуга с железным наконечником (в скифское время, видимо, существовала только деревянная соха). Конец антского периода, точнее, переход от антского периода к периоду Киевской Руси, принёс новое техническое изобретение — широколезвийный плуг.

Железные наральники, встречаемые в памятниках культуры полей погребений, являлись частью орудия с узким рабочим концом, расположенным наклонно по направлению к линии движения. Такое орудие могло только разрыхлять землю, но не подрезало корни сорных трав и не переворачивало почву. При помощи наральника можно было всахивать лишь площади, освобождённые из-под леса, но не поднимать степную целину. Уже к концу антского периода, в VII—VIII вв., появляются наральники более совершенного типа, с широким рабочим концом, надетым на горизонтально скользящий ползун; такое орудие подрезало слой земли и переворачивало почву при помощи отвальной доски.

Появление пашенного орудия с железным рабочим концом вызвало огромные последствия: оно повлекло за собой значительное повышение продуктивности земледельческого производства и возможность получения гарантированного прибавочного продукта.

³³ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 168.

³⁴ См. «Вестник древней истории» № 1 за 1941 г., стр. 247.

³⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 117.

Выделение ремесла в самостоятельную отрасль производства на заключительных этапах высшей ступени варварства является исторической необходимостью. Условия, определяющие эту необходимость, возникают в самом начале высшей ступени варварства. Основным из них была плавка железа. Но для того, чтобы второе общественное разделение труда могло осуществиться, нужны соответствующие предпосылки. Ремесло, выделившееся в самостоятельную отрасль производства, перерастает рамки натурального производства, ибо предполагает наличие рынка. Отсюда ясно, что и земледелие как основная отрасль хозяйства должно быть достаточно продуктивным, чтобы давать минимальное количество прибавочного продукта, могущего быть превращённым в товар.

В антском обществе это необходимое условие было налицо. Ещё в скифское время (V в. до н. э.) Геродот писал, что скифы-пахари сеют хлеб не только для собственного употребления, но и для продажи. Это стало возможным благодаря возникновению пашенного земледелия. Появление плуга с железным наконечником, значительно поднявшее продуктивность земледелия, приводило к более значительному превышению производимого продукта над непосредственно потребляемым более значительным и более гарантированным. «Благодаря ему, — говорит Ф. Энгельс, — стало возможно в крупном размере земледелие, полеводство, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов»³⁶.

Уже в I—II вв. н. э. ремесло у антов начинает выделяться из сельского хозяйства в самостоятельную отрасль производства. Нам известны остатки мастерских — керамических, железоделательных, ювелирных и т. д. — обнаруженных в ряде пунктов на древнеславянских землях³⁷. Размеры этих мастерских исключают всякое сомнение в том, что продукция их была рассчитана на рынок. Нам известна также и самая продукция этих древнейших ремесленных мастерских.

Начало процесса второго общественного разделения труда и возникновение постоянного внутреннего рынка обусловили появление денежной торговли. В этом нас убеждают многочисленные клады римских монет, главным образом денариев II в. н. э., которыми усеяны антские земли. Римская монета служила в антском обществе денежным знаком и имела внутреннее обращение; более того: у антов существовала даже собственная чеканка монет по римским образцам.

Как свидетельствует хронология находок, приток римских монет на антские земли начался во II в. н. э.³⁸ Совпадение этой даты с датой окончательного выделения ремесла не случайно. Время обращения римского денария в антской среде не ограничивалось II в. н. э. Более того: имеются бесспорные доказательства, что денарий сохранял своё значение денежного знака у антов и в IV—V вв. н. э.

Из письменных и археологических источников известно о значительном имущественном расслоении, происходившем в антском обществе уже в первые века н. э. Одним из доказательств этому является разница в погребальных инвентарях. В антское время особенно больших богатств в погребениях мы не находим; но для нас не так важно богатство инвентарей в абсолютном смысле этого слова, как разница в инвентарях, сопровождавших отдельные погребения в пределах одного и того же кладбища. Погребальные инвентари дают достаточно яркую иллюстрацию имущественного расслоения антского общества. Большинство погребений вовсе лишено вещей или содержит 1—2 простых горшка или украшения из бронзы. Но наряду с ними известны богатые погребения, в которых найдены вещи из драгоценных металлов, монеты, стекло, представлявшее в то время большую ценность, дорогие привозные предметы и т. д.

На процесс имущественного расслоения у антов указывают и многочисленные клады, достигавшие подчас значительных размеров. В первые века н. э. вещевые клады

³⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 25.

³⁷ См. Я. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки Крем. у. ИАК, 29, 1909, стр. 56—60, доп. 60—64; T. Reyman. Problem ceramiki siwej, na kole toczonej na tle odkryć w górnych dorzeczu Wisły. Wiad. Arch. t. XIV, S. 163—168. Warszawa. 1936.

³⁸ См. М. Брайчевский. Знахідки римських монет на території УРСР. Археологія, т. III, стор. 93—101. Київ. 1950.

очень редки (основное богатство в то время облекается в денежную форму). Объясняется это сравнительно слабым развитием тогда ювелирного ремесла. В середине первого тысячелетия денежные клады почти отсутствуют: в IV—V вв. н. э. они ещё попадаются, но уже в VI—VII вв. исчезают вовсе. На их место появляются клады вещевые; в IV—V вв. встречаются смешанные клады, содержащие как монеты, так и вещи³⁹. Эти клады — бесспорное доказательство огромных богатств, накопившихся в руках отдельных представителей антского общества.

Любопытным свидетельством имущественного неравенства у антов являются находки ключей от дверных запоров⁴⁰. Коль скоро существовали запоры, значит, было что прятать. Угроза ограбления существовала не только в отношении жилищ, но и погребений, подвергавшихся ограблению вскоре после совершения обряда.

Чрезвычайно важен факт появления именно в антское время знаков собственности, или тамг, получивших в дальнейшем широкое распространение в Киевской Руси⁴¹. Социальный смысл этих знаков пока ещё до конца не выяснен, но несомненно одно, что они имеют непосредственное отношение к развивавшемуся в то время институту частной собственности.

Подтверждения значительного развития частной собственности и имущественного неравенства у антов мы находим и среди письменных памятников. Когда Иоанн Эфесский пишет, что анты и склавины «стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия»⁴², то ясно, что он имеет в виду не всё антское население в целом, не каждого рядового анта-крестьянина, а верхушку антского общества, в чьих руках были значительные богатства в виде денег, скота и, безусловно, сельскохозяйственных продуктов.

Всё это, естественно, порождало у антов стремление к накоплению ценностей, к наживе. Письменные источники содержат определённые на сей счёт данные. Из истории Хильбудия, рассказанной Прокопием⁴³, мы узнаём, например, что ант купил раба с целью разбогатеть, получив за него выкуп. Весьма любопытное явление: ант идёт на сознательную трату денег (Прокопий говорит именно о деньгах) для того, чтобы получить потом большую сумму. Это могло иметь место только в обществе, хорошо знакомом с богатством, которое давало существенные преимущества тому, кто им владел.

Таким образом, письменные и особенно археологические материалы говорят о сильном имущественном расслоении у антов и о накоплении в руках отдельных представителей антского общества значительных богатств.

В чём же сущность этого явления? Что служило источником обогащения в антском обществе?

Некоторые исследователи склонны думать, что происхождение антских богатств в виде кладов связано с балканскими войнами, что это результат грабежей, контрибуций и т. п. Такой взгляд совершенно неправилен, ибо подавляющее количество вещей этих вкладов не византийского или восточного, а местного, антского происхождения. Кроме того имущественное неравенство и накопление богатств прослеживаются в антском обществе значительно раньше начала активной и широкой экспансии антов на Балканы.

Не сношения с Византией создали для антов предпосылки к накоплению богатств. Самая идея этого накопления не могла бы возникнуть по этим, чисто внешним причинам, как не возникла она в более древнее, скифское время. К. Маркс замечает по этому вопросу: «Есть традиционный взгляд, будто в известные периоды люди жили исключительно грабежом. Однако, чтобы было возможно грабить, должно быть

³⁹ М. Брайчевский. Археологічні матеріали до вивчення культури східно-слов'янських племін в VI—VIII ст. «Археологія», т. IV, стр. 39. Київ. 1950.

⁴⁰ См. «Материалы раскопок в Викиных Великих в 1940 г. и в Костянце в 1948 году».

⁴¹ См. Б. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. «Советская археология», т. VI, стр. 233—234. 1940. С. Толстов. Из предистории Руси. «Советская этнография», т. VI—VII, стр. 45—49. 1947.

⁴² «Вестник древней истории» № 1 за 1941 г., стр. 252.

⁴³ Там же, стр. 236.

налицо нечто для грабежа, стало быть производством»⁴⁴. Военные грабежи явились не причиной, а следствием существовавшей имущественной и социальной дифференциации антского общества. Накопление богатств стало целью в обществе, которое, по выражению К. Маркса, уже «вытащило Плутона за волосы из недр земных»⁴⁵.

Процесс образования кладов — результат накопления и хранения сокровищ; значительные массы прибавочного продукта в руках отдельных представителей общества, непосредственно не потребляемые ими и не вкладываемые в воспроизводство (ибо не только первобытно-общинное, но и феодальное общества знают в основном не расширенное, а простое воспроизводство), облекаются в форму денег или предметов роскоши, превращаясь, таким образом, в сокровища. Наиболее естественным способом хранения этих сокровищ в условиях того времени являлось закапывание их в землю.

Особенность развития земледельческих племён заключалась в возможности ведения индивидуального хозяйства при сохранении коллективной собственности на землю. В этом случае весь продукт труда, собранный на участке земли, находящемся в индивидуальном пользовании одного лица или одной семьи, поступает в собственность последнего или последней. У скотоводов до тех пор, пока скот находится в общественной собственности, возможно только совместное ведение хозяйства, а, стало быть, нет предпосылок для имущественного — и, далее, социального расслоения. Первейшее условие для этого — переход скота в частную собственность.

Иное дело у земледельцев. Здесь между общественной собственностью на землю и частной лежит длительный период, когда земля, юридически являясь общественным достоянием, находится в индивидуальном пользовании. В результате уже в недрах первобытно-общинного строя создаются предпосылки для имущественного расслоения, поскольку продукт труда является частной собственностью каждого конкретного производителя и источником его личного обогащения.

Уровень развития техники земледелия у антов позволял обрабатывать поля большими производственными коллективами, что подрывало производственную базу общинного землепользования.

М. И. Артамонову удалось на основании анализа данных Геродота показать, что уже скифы-пахари в V в. до н. э. знали именно индивидуальное землепользование при сохранении коллективной собственности на землю и узаконенных ежегодных переделов, хотя относительно того, насколько последние аккуратно соблюдались на практике, у нас данных нет⁴⁶.

Уже в скифское время земледельческое производство, по крайней мере у части скифских племён — скифов-пахарей, — давало прибавочный продукт. Технический прогресс на рубеже н. э. делал этот прибавочный продукт несравненно более значительным по объёму и более гарантированным. Но так как при индивидуальном землепользовании весь производимый продукт составлял частную собственность того, в чьём пользовании находился участок земли, то и вся сумма прибавочного продукта, производимого в данном обществе, сосредоточивалась в частных руках, становясь, таким образом, источником личного обогащения. Здесь мы находим реальный ключ к пониманию того имущественного расслоения, которое обнаруживается в антском обществе.

Наиболее древними сокровищами на антских землях были клады римских монет. Что римляне при осуществлении своей торговли со славянами интересовались прежде всего хлебом, видно из совпадения римской и древнерусской систем мер сыпучих тел, а также из свидетельств письменных источников. Огромное количество римских монет, которые мы находим на антских землях и которые попали сюда в результате торговли хлебом, говорит о том, какие значительные массы прибавочного продукта производились в антском обществе.

В середине I тысячелетия н. э. приток монет на антские земли прекращается в связи с прекращением регулярной торговли. Богатство с этой поры облекается в форму художественного сокровища, состоящего из вещей, главным образом местного

⁴⁴ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 210. Госполитиздат. 1949.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 148.

⁴⁶ См. М. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. «Учёные записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 15, стр. 7. Л. 1947.

ювелирного производства. Таким образом, богатства, заключающиеся в кладах, представляют собой прибавочный продукт, полученный в первую очередь в результате сельскохозяйственного производства и превращённый в деньги или предметы роскоши.

Переход земли в индивидуальное пользование, отдавший продукт основной отрасли производства в частные руки, отменивший уравнительную систему дележа общественного продукта, полученного в результате коллективного труда, сделал возможным накопление значительных масс излишков продуктов производства в руках отдельных представителей общества. Это и было причиной развитого имущественного неравенства у древних славян в антское время.

Имущественное расслоение влечёт за собой расслоение классовое. Условия для формирования классового общества у антов были, бесспорно, налично. Мы видим это в значительных масштабах развития института рабовладения у антов и склавинов, что достаточно ярко оттенено в произведениях современников. Об угоне пленных в рабство во время военных столкновений на Балканах неоднократно сообщают византийские писатели.

Источником рабовладения в древнеславянском обществе, как это явствует, например, из истории Хильбудия⁴⁷, были не только столкновения с Византией и другими народами, но и столкновения внутренние, межплеменные. Ант Хильбудий был на положении раба у склавинов и там же был выкуплен своим соотечественником-антом. Прокопий сообщает, что Хильбудий попал на положение раба в результате войны между антами и склавинами.

О том, что рабовладение у антов и склавинов начало выходить за пределы патриархального рабства, характерного для позднеродового общества, свидетельствуют и самые размеры захватов рабов на войне. Византийские авторы говорят о десятках тысяч граждан империи, угоняемых в рабство победителями⁴⁸.

Важно, что у антов в VI в. н. э. существовала торговля рабами, совершенно несвойственная патриархальному обществу. Самая история Хильбудия даёт нам прямые на это указания, ибо Хильбудий был продан анту за деньги. Правда, из этой же истории видно, что самого анта нельзя ещё было продать в рабство у себя на родине: Хильбудий, будучи куплен антом, по ошибке принявшим его за римлянина, по законам страны, должен был получить свободу.

Было бы неверно полагать, что использование рабского труда могло возникнуть только вследствие внешних факторов (походы на Балканы), в силу того, что война давала пленных, могущих быть использованными в хозяйстве. Необходимы были внутренние условия; до тех пор, пока они отсутствовали, пленных попросту убивали. К. Маркс говорит следующее о целях захвата рабов во время войн: «В лице раба похищается непосредственно орудие производства. Однако производство той страны, для которой он похищается, должно быть устроено так, чтобы допускать применение рабского труда»⁴⁹.

Здесь решающим моментом является такое состояние экономики, которое давало бы возможность получения постоянного и гарантированного прибавочного продукта, без чего немислима эксплуатация человека человеком, а следовательно, немислимо распадение единого до того родового общества на антагонистические классы.

В скифское время уровень производства делал возможной ту скрытую ещё ограниченную форму эксплуатации, которая обычно именуется в литературе патриархальным рабством: труд раба ещё не мог быть достаточно эффективным для того, чтобы полностью высвободить эксплуататора из процесса производства. Вопрос о наличии рабовладельческой формации в среде скифов-пахарей лишён законного основания, но существование патриархальной формы рабства не вызывает сомнения. В связи с тем, что прибавочный продукт превращался в частную собственность и становился источником обогащения, не могло не возникнуть стремления использовать в этих целях чужой принудительный труд.

⁴⁷ См. «Вестник древней истории» № 1 за 1941 г., стр. 236.

⁴⁸ Там же, стр. 236, 239, 240, 241, 242, 243, 244.

⁴⁹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 210.

В антское время развитие производства не могло не повлечь за собой усиления применения рабского труда. И действительно, имущественному расслоению, основанному на земельных отношениях внутри древнеславянского общества, соответствует, как видно из приведённых выше данных, широкое развитие института рабовладения.

Славянское общество, несмотря на значительное развитие в середине I тысячелетия н. э. рабовладения, тем не менее не стало на путь сложения рабовладельческой формации. Оно пошло по пути складывания феодальных отношений. Причины этого лежат в том прогрессе, который имел место в сфере сельскохозяйственного производства. Генезис классового общества в среде древних славян происходил на основе земельных отношений. Технический же уровень земледелия в эту эпоху делал применение рабского труда нецелесообразным; эксплуатация крестьянина, выливавшаяся в форму феодальной ренты, давала, вне сомнения, больший эффект.

Думается, что славяне превращали в рабов, лишённых орудий производства, только военнопленных; следствием же имущественных отношений внутри самого славянского общества во второй половине I тысячелетия н. э. было феодальное закабаление, при котором производитель, попадавший в зависимость от эксплуататора, сохранял свою собственность на некоторые орудия производства, а прибавочный труд отчуждался в форме натуральной ренты.

В одном из свидетельств Псевдомаврикия об антах можно усмотреть отражение процесса вытеснения рабского труда трудом населения, находившегося не в рабской, а иной зависимости. Псевдомаврикий указывает, что пленных анты не держали постоянно в рабстве, а после известного срока предлагали им на выбор: «желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси, или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей?»⁵⁰

Обыкновенно это место комментируется в том смысле, что пленные, которые не могли дать за себя выкуп, становились равноправными членами родовой организации. Но в таком случае непонятно будет положение пленных, оставшихся на месте, когда они не рабы, а свободные, но не могут возвратиться домой, ибо для этого требуется выкуп. Очевидно, пленный, который не мог уплатить за себя выкупа, попадал в иную зависимость, отличную от зависимости раба; эта зависимость не исключала определённой личной свободы, что и могло стать основанием для Псевдомаврикия считать этого пленного находящимся на положении свободного. Это была какая-то форма феодальной зависимости.

Таким образом, в антском обществе обнаруживается борьба трёх социально-экономических укладов: первобытно-общинного, рабовладельческого и возникающего феодального. Эта борьба, по справедливому мнению С. В. Юшкова, характеризует дофеодальный период.

Для суждения о социальной структуре антского общества большой интерес представляют материалы о выделяющейся общественной верхушке. Так, византийские писатели середины I тысячелетия н. э. сообщают многочисленные сведения об антских князьях и вельможах, которые вели династический счёт родам, узурпировали власть, сделав её наследственной. В руках этой верхушки в первую очередь концентрировались богатства, известные нам в виде кладов; она же эксплуатировала основную массу рабов, захваченных в плен.

Из источников IV в. н. э. мы узнаём об антском «короле» (гех) Боже, который боролся против остроготского «короля» Амала Винитара и был распят последним вместе с семьюдесятью вельможами (primates).

Источники середины VI в. упоминают о Межамире Идарьиче, брате Келагаста, бывшем антским послом при дворе аварского кагана Баяна. И, наконец, в материалах VII в. н. э. мы встречаем несколько имён славянских князей и королей: Пирагаст, Даврит, Ардагаст, Мусокий и др.

Возможно, свидетельством процесса выделения правящей верхушки у древних славян являются «княжеские погребения», тип которых, заключающийся в погребении под дном речки, описан Л. Мацулевичем на примере находок из Большого Каменца, близ Суджи, Курской области⁵¹.

⁵⁰ «Вестник древней истории» № 1 за 1941 г., стр. 253.

⁵¹ См. Л. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.-Л. 1934.

Говоря об образовании у древних славян общественной верхушки, необходимо учитывать данные о выделении в антском обществе дружинников как вооружённой части населения — дружинной знати, противостоявшей основной массе земледельческого населения. Известно, какое значение для освещения процесса развития феодализма в древней Руси историки придают появлению дружинных погребений IX—X вв. типа Шестовиц, Гнездова и т. п. Однако погребения дружинников появились на славянской территории задолго до IX—X веков.

Внимание исследователей культуры полей погребений привлекает общий облик её «безоружности». Эта особенность выражается в отсутствии укреплённых поселений и оружия в её памятниках. Предполагать, что все свои войны с готами, Византией, аварами и другими народами анты могли вести без помощи оружия, немыслимо. Следовательно, оружие это логически должно существовать. И, действительно, оно существовало.

Носителями оружия являлось, однако, не всё население, а только часть его, а именно выделявшаяся в то время дружинная знать. Деление населения на вооружённых и безоружных — признак классового общества, и в условиях Восточной Европы оно должно рассматриваться как признак слагающихся феодальных отношений. Здесь мы переступаем рамки позднеархаического общества, коль скоро на смену поголовному вооружению населения, характеризующему период военной демократии, приходит более или менее регулярное войско, для которого военное дело — не просто профессия, источник дохода, а общественная функция, связанная с обеспечением интересов возникающего господствующего класса.

Мы располагаем рядом археологических памятников, неоспоримо доказывающих существование в антское время наряду с безоружными погребениями погребений с оружием, которые являются не чем иным, как погребениями дружинной знати, выделявшейся из среды антского общества в первой половине I тысячелетия н. э. Такие погребения — с мечами, копьями, умбонами щитов и другими предметами вооружения — известны в значительном количестве в Поднестровье⁵². В Среднем Поднепровье погребения с оружием обнаружены, например, в Ромашках, Рокитянского района, Киевской области, в Тадалаевке, Нежинского района, Черниговской области, материалы о которых ещё не опубликованы.

О древнеславянских князьях и вельможах обычно говорят как о родоплеменной знати. Термин этот лишён смысла, если забывать об имущественных отношениях, лежащих в основе самого понятия «родоплеменной знати». Если значение того или иного лица определяется его авторитетом как военачальника или вождя, или даже авторитетом родственника военачальника и вождя, то, естественно, не этим путём складывается классовое общество: классы и классовые отношения людей определяются их отношением к производству и к средствам производства.

Думается, что факты, которые говорят об имущественном неравенстве, о накоплении богатств в руках отдельных представителей антского общества, с одной стороны, и о выделившихся в антской среде вельможах и князьях — с другой, являются двумя сторонами одного и того же процесса — процесса сложения древнеславянского классового общества.

Вышеизложенные соображения позволяют нам подойти к оценке сущности антского политического объединения.

На существование восточнославянского политического образования в VI—VII вв. н. э. к северу от Карпат указывал ещё В. О. Ключевский. В литературе это политическое образование известно под названием Дулебского союза племён. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это образование идентично «Антскому племенному союзу», как его обычно именуют в литературе.

Так называемый Дулебский союз племён, о котором писал Ключевский, был расположен к северу от Карпат, на территории Подолии, Волинии, Галичины, Среднего Приднепровья (сам Ключевский включает в его состав всех полян). Антское

⁵² См. М. Smiszko. *Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej*, s. 24 — 25, 8 — 14 i in. Lwów. 1932.

объединение, о котором мы узнаём из сочинений византийских писателей, было расположено примерно в тех же территориальных границах. Это — одно очень важное совпадение.

Ещё более разительным представляется совпадение в хронологии. Мы, правда, не располагаем сведениями для определения нижней даты, то есть даты возникновения как Дулебского союза, так и Антского. Но зато нам хорошо известна верхняя дата, дата их упразднения, и в обоих случаях это VII в. н. э. (в VI—VII вв. н. э. происходила борьба славян с аварами).

К этому надо добавить полное совпадение в судьбах как одного, так и другого из этих политических образований. Известно, что дулебам пришлось сильно потерпеть от аваров, в конце концов их союз пал под ударами последних. Известно, что и анты исчезают с исторической арены как политическая организация в связи с их борьбой против авар.

Все эти совпадения не могут быть признаны случайными и не оставляют сомнения в том, что Дулебский союз племён и Антское объединение — одно и то же историческое явление, оставившее свои следы в различных письменных, литературных традициях — византийской (анты), древнерусской и арабской (дулебы).

В исторической науке общепринята точка зрения, что анты представляли собой племенной союз, порождённый необходимостью объединения восточнославянских племён для борьбы с готами и Византийской империей. Нет сомнения, что внешнеполитическая обстановка способствовала этому объединению, но оно было бы невозможно без внутренних социальных предпосылок. Основной причиной антского объединения надо считать разложение родового строя и развитие классовых отношений, которые неизбежно приводили к образованию государства и государственному объединению племён.

Всё, что было сказано выше относительно общественного устройства антов, убеждает нас в том, что антское политическое образование не было простым племенным союзом, характерным для позднеродового общества, типа, например, племенных союзов североамериканских индейцев; возникновение племенных союзов диктуется не началом разделения общества на классы, а, в первую очередь, внешнеполитическими причинами — необходимостью ведения совместных военных действий и т. п.

О том, что власть князей (рексов) не ограничивалась военными функциями, что она носила и политический характер, свидетельствует выделение в то время дружины, вооружённая сила которой была противопоставлена не только внешнему врагу, но и в какой-то мере остальному, невооружённому населению. Политическая власть уже в VI—VII вв. узурпировалась и становилась наследственной.

Указание Прокопия на то, что анты живут в народоправстве⁵³, следует понимать не как свидетельство отсутствия у них политической власти вообще, а наличия у них в качестве органа политической власти народного собрания. Разумеется, последнее являлось пережитком предшествующего родового строя, но таким пережитком, который отнюдь не исключался развитием классового общества и государства. В частности у восточных славян народное собрание существовало ещё в эпоху Киевской Руси в виде веча.

Наконец, свидетельство Иордана о 70 вельможах, распятых вместе с Божем⁵⁴, говорит о той роли, которую играла в государственном управлении выделявшаяся знать. Винитар, естественно, стремился обезглавить антское государство, физически уничтожив тех лиц, которые осуществляли здесь публичную власть. Достичь этого он мог уничтожением не только короля, но и виднейших представителей этой знати.

Антское политическое объединение не явилось для своего времени исторической неожиданностью: оно представляло собой одно звено в общей цепи исторического развития Европы в раннее средневековье. В тот период складывался целый ряд варварских государственных образований: на Западе — у германцев и в Центральной Европе — у западных и южных славян.

⁵³ См. «Вестник древней истории» № 1 за 1941 г., стр. 237.

⁵⁴ См. там же, стр. 233.

Что же представляло собой антское общество по уровню социально-экономического развития?

Обычно антское время рассматривается в литературе как высшая ступень варварства, период военной демократии. Такое определение следует считать недостаточным. Высшая ступень варварства начинается ещё в скифскую эпоху, когда автохтонные племена, обитавшие в Среднем Приднепровье, Побужье и Поднестровье, начали обрабатывать железо. Уже в скифском обществе мы находим признаки, присущие военной демократии. Изучая земельные отношения в среде скифов-пахарей, М. И. Артамонов пришёл к следующему выводу: «Скифы, как и древние германцы, находились на последней стадии развития родового строя, на этапе его разложения, который Энгельсом именуется «военной демократией»⁵⁵. Этот вывод представляется нам вполне законным.

Если скифская эпоха характеризуется признаками высшей ступени варварства, то эпоха антская, следовательно, должна представлять собою более высокую стадию развития, то есть племена, бывшие потомками скифов-пахарей, очевидно, должны были стоять на стадии перехода к классовому обществу.

И действительно, в антском обществе обнаруживаются все те черты, которые, по Ф. Энгельсу, характеризуют последний этап высшей ступени варварства и подводят общество вплотную к цивилизации, а именно: второе общественное разделение труда, развитие рабовладения, возникновение товарного производства, имущественная дифференциация, выделение знати и т. д. Более того: в антском обществе наблюдаются некоторые черты, которые, согласно указаниям Ф. Энгельса, относятся уже к эпохе цивилизации, например, появление металлических чеканных денег⁵⁶.

Следовательно, недостаточно считать антское общество находящимся на высшей ступени варварства, как это принято в литературе. Вместе с антами мы входим в цивилизацию. Вопрос об уровне социально-экономического развития антов определяет и подход к оценке генезиса древнерусского феодализма и Киевского государства.

Спрашивается: отличалась ли Киевская Русь IX—X вв. от антского государства середины I тысячелетия н. э. по своему социальному содержанию? Обнаруживало ли древнеславянское общество во второй половине I тысячелетия н. э. какие-либо признаки развития? И если да, то что же представляло собой антское государство и чем была Киевская Русь в начальный период её существования?

Ответ, думается, может быть один: антское государство середины I тысячелетия н. э. является типичным примером дофеодального государства, знаменующего переход от варварства к цивилизации. Периодом VIII—IX вв. (время существования Куявии, Славии и Арсании) завершается генезис феодализма и сложение Киевской Руси, а в IX в. начинается период феодализма. Русь IX—X вв.—это феодальное государство, и деление истории Киевской Руси на два принципиально разных периода (дофеодальный IX—X вв. и феодальный XI—XIII вв.) фактическими данными не оправдано.

Антское государство по своему историческому содержанию полностью соответствует возникающим примерно в это же время государственным образованиям в Западной и Центральной Европе как у германцев, так и у славян. Исторический процесс у восточных славян был ничуть не более замедленным, чем на Западе. Развитие Восточной Европы осуществлялось в общей системе возникновения нового, феодального мира на развалинах разрушаемой рабовладельческой империи, в сложении которого восточные славяне принимали участие в качестве одной из наиболее важных действующих сил.

⁵⁵ См. М. Артамонов. Указ. соч., стр. 19.

⁵⁶ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 172.